

МРНТИ 06.71.07
УДК 330.34
JEL O40, Q32, F43, E02

<https://doi.org/10.46914/1562-2959-2026-1-2-271-284>

СЕЙТОВА В.Н.,*¹

PhD, ассоциированный профессор.

*e-mail: vilena@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-4404-4916

АСКАРОВА Э.Т.,¹

М.Э.Н., ст. преподаватель.

e-mail: amina.elmira@mail.ru

ORCID ID: 0009-0002-3935-5848

ЖОШЫБАЕВА Д.А.,¹

М.Э.Н., ст. преподаватель.

e-mail: dariga.zhoshybaeva72@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2559-2722

НУРТАЕВА Д.К.,²

М.М.Н., сениор-лектор.

e-mail: d.nurtayeva@turana-edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-0187-9550

¹Южно-Казахстанский

университет им. М. Ауезова,

г. Шымкент, Казахстан

²Университет «Туран»,

г. Алматы, Казахстан

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

Исследование посвящено анализу проблем и возможностей диверсификации экономики Казахстана с целью уменьшения ее зависимости от нефтяных доходов. В условиях глобальных экономических изменений и колебаний цен на углеводороды, стратегическая диверсификация является ключевым аспектом для обеспечения устойчивого развития страны. Методология сочетает количественный структурно-сравнительный анализ и качественную интерпретацию, включающую оценку структурных сдвигов в промышленном производстве, расчет индекса концентрации экспорта Херфиндала–Хиршмана (НИ, а также нормированную форму НИ*) и индекса экономической сложности (ЕСИ), с учетом межстранового сопоставления с референтными нефтеэкспортирующими экономиками. Анализ показывает, что диверсификация может значительно повысить экономическую стабильность Казахстана, снизив риски, связанные с колебаниями мировых цен на нефть. Важную роль в процессе диверсификации играет укрепление институциональной среды и развитие частного сектора, способного вносить инновации и улучшать конкурентоспособность экономики. Результаты исследования предлагают конкретные рекомендации по формированию политик, которые могли бы способствовать более активному включению различных секторов экономики в процессы инновационного развития и экспортной деятельности, что, в свою очередь, уменьшит зависимость от нефтяных доходов и способствует долгосрочному экономическому росту.

Ключевые слова: экономическая диверсификация, нефтяная зависимость, устойчивое развитие, инновационное развитие, структурная трансформация, концентрация экспорта, обрабатывающая промышленность, региональная экономика.

Введение

Диверсификация является основным направлением государственной политики Казахстана последние 20 лет. Экономическая политика страны направлена на преодоление зависимости экономики от ограниченного спектра экономических деятельностей [1]. Правительство стре-

мится создать более сбалансированную производственную структуру, что повышает устойчивость к циклическим и рыночным рискам, увеличивает занятость и расширяет возможные источники дохода [2]. Так, проблема диверсификации чаще всего обсуждается в контексте развивающихся стран с экспортно ориентированной экономикой [3], такой как Казахстан, и играет ключевую роль в укреплении экономической стабильности за счет разнообразия секторов, которые способствуют постоянному потоку валового дохода [4].

Теоретическое осмысление зависимости экономики от сырьевого экспорта восходит к двум взаимодополняющим традициям. Первая направлена по траектории модели голландской болезни, при которой приток валютной выручки от ресурсного сектора вызывает реальное укрепление курса и переток факторов производства из торгуемого несырьевого сектора, подавляя конкурентоспособность обрабатывающей промышленности и ограничивая эффект обучения через экспорт [5]. Вторая подразумевает рассмотрение гипотезы ресурсного проклятия, согласно которой избыток природных ресурсов и чрезмерная зависимость от них могут вести к деградации экономических и политических институтов, замедлению роста производительности и повышению макроэкономической нестабильности, а богатые ресурсами экономики демонстрируют в среднем более низкие темпы роста [6]. Эти работы задают базовую причинно-следственную рамку, однако оперируют преимущественно агрегированными межстрановыми показателями и трактуют ресурсную зависимость как статическую характеристику, не разделяя ее реальную и ценовую составляющие.

Дальнейшие исследования показали, что связь ресурсного богатства и развития не детерминирована, а опосредуется качеством институтов. Слабые институты облегчают присвоение ресурсной ренты, повышают транзакционные издержки в несырьевых секторах и риски ренто-ориентированного поведения [7]. В современной литературе ресурсное проклятие трактуется не как приговор, а как условный риск, реализация которого зависит от институциональной среды и проводимой структурной политики [8]. Эмпирически это подтверждается на материале стран Ближнего Востока и Северной Африки, где нефтяная рента воздействует на экономический рост через симптомы ресурсного проклятия, однако качество государственного управления способно предотвратить этот эффект и превратить ренту в инструмент диверсификации [9]. Вместе с тем выводы данной линии чувствительны к выбору страновой выборки, периода наблюдения и прокси институционального качества, из-за чего результаты, полученные для регионов Ближнего Востока и Северной Африки, плохо переносятся на постсоветские экономики с иной траекторией формирования институтов.

Параллельно развивался инструментальный подход к измерению самой диверсификации. Концепция экономической сложности сместила акцент с числа экспортных позиций на их технологическую насыщенность, где страны, экспортирующие широкий набор технологически сложных товаров, демонстрируют более высокие и устойчивые темпы роста [10]. Индекс экономической сложности (ЕСИ) и индекс концентрации Херфиндаля–Хиршмана (ННИ) выступают взаимодополняющими измерителями, при которых первый отражает технологическое качество экспортной корзины, второй – степень ее концентрации. Совместное применение двух индексов позволяет отличить широкую, но технологически простую структуру экспорта от узкой, но технологически сложной.

На уровне отдельных нефтеэкспортирующих экономик результаты неоднозначны. Большинство экспортеров нефтяных ресурсов давно заявляют о необходимости диверсификации для защиты от падения цен, создания рабочих мест и развития несырьевых секторов [11], а высокая волатильность мировых цен и сдвиги на энергетических рынках побудили директивные органы ускорить фискальные и структурные реформы [12]. При этом связь диверсификации с нефтяным богатством изучена неравномерно. Так, в одних работах диверсификация рассматривается как зависящая от траектории предшествующего развития [13], в других ее структура анализируется по группам стран без учета роли нефтяного богатства. Прямые оценки этой связи расходятся, что подтверждается фактом о том, что концентрация добычи нефти спустя восемь лет после открытия месторождения не влияет на структуру занятости в ресурсном и производственном секторах, причем демократические и инклюзивные институты смягчают воздействие открытия нефти на экспорт, но не на рынок труда [8]. В то же время дата начала добычи положительно коррелирует с диверсификацией экспорта [13]. Это расхождение во мно-

гом объясняется разными зависимыми переменными, такими как рынок труда против структуры экспорта, и указывает на чувствительность выводов к выбору индикатора диверсификации. Значительные сдвиги прослеживаются и на уровне отдельных стран, например в топливной диверсификации энергетической смеси Малайзии с момента первой разработки в 1981 г. [14]. Применительно к ценовому фактору ряд работ указывает на асимметричное влияние нефтяных цен на структурные пропорции [15]. Общим ограничением этих исследований остается опора на агрегированные стоимостные ряды, не отделяющие реальный структурный сдвиг от ценовой переоценки долей.

Таким образом, в литературе сложились три самостоятельные направления. К ним относятся теоретические модели ресурсного проклятия и голландской болезни, институциональные объяснения их вариативности и инструментальное измерение диверсификации через экономическую сложность. Большинство эмпирических работ опирается на межстрановые агрегаты и трактует диверсификацию как статический результат. Существенно реже прослеживается стоимостная структурная динамика внутри одной постсоветской нефтяной экономики на длинном горизонте с явным разделением реального и ценового эффектов и оценкой обратимости достигнутого сдвига. Настоящее исследование закрывает этот пробел: опираясь на данные БНС РК за 2010–2024 гг. [16], оно прослеживает структурную динамику промышленности Казахстана, отделяя реальную компоненту сдвига (рост физических объемов выпуска) от ценовой переоценки долей и оценивая устойчивость диверсификации через волатильность структурных пропорций.

Цель исследования заключается в проведении количественной оценки уровня диверсификации казахстанской экономики, определении ключевых барьеров структурной трансформации и выработке предложений для экономической политики.

В рамках обозначенной проблемы исследование отвечает на три вопроса: в какой мере структура промышленного производства Казахстана фактически диверсифицировалась в 2010–2024 гг.; сопровождается ли наблюдаемый структурный сдвиг ростом инновационной и научно-технической активности; каковы позиции Казахстана относительно сопоставимых нефтеэкспортирующих экономик по ключевым индикаторам диверсификации.

Научная новизна работы состоит в систематическом применении индекса Херфиндаля–Хиршмана (ННН) к показателям структуры казахстанского экспорта и государственных доходов в динамике, а также в сравнительном позиционировании Казахстана среди нефтеэкспортирующих экономик, достигших различных результатов диверсификации.

Информационной основой исследования служат официальные данные БНС РК за 2010–2024 гг., охватывающие производство по отраслям, затраты на НИОКР и инновационную продукцию, а также показатели рынка труда. Их использование позволяет анализировать структурные сдвиги непосредственно на отраслевом уровне, дополняя агрегированные международные базы, на которые опирались предшествующие работы.

Материалы и методы

Методология исследования носит количественный структурно-сравнительный характер и сочетает три группы методов: анализ структурных сдвигов в промышленном производстве, индексные измерители концентрации и сложности экспорта (индекс Херфиндаля–Хиршмана ННН и его нормированная форма ННН*, индекс экономической сложности ЕСИ) и межстрановое сопоставление с референтными нефтеэкспортирующими экономиками. Качественная интерпретация результатов опирается на официальную статистику и нормативные документы государственной политики.

Исследование реализуется в три последовательных этапа. На первом этапе формируются эмпирическая база. Основным источником служит официальная статистическая база данных Бюро национальной статистики РК, содержащая 132 индикатора по регионам Казахстана за 2000–2025 гг. Для межстрановых сопоставлений привлечены данные World Development Indicators [17], IMF World Economic Outlook [18], база UN COMTRADE [19].

На втором этапе рассчитываются структурные индикаторы. По данным БНС РК определены доля горнодобывающей и обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства, доля нефте- и газодобычи в горнодобывающем секторе, наукоемкость

экономики (отношение внутренних затрат на НИОКР к ВВП) и отношение объема инновационной продукции к ВВП. Индекс концентрации ННИ рассчитан по структуре экспорта на основе данных [18].

На третьем этапе проводится сравнительный анализ: Казахстан сопоставляется с Норвегией, ОАЭ и Азербайджаном по унифицированным показателям – индексу концентрации экспорта ННИ (97 товарных групп классификации HS-2) и индексу экономической сложности (ЕСИ).

Степень концентрации экспортной корзины оценивается с помощью индекса Херфиндала–Хиршмана, рассчитываемого как сумма квадратов долей товарных групп в совокупном экспорте:

$$HHI = \sum s_i^2, i = 1, \dots, n, \quad (1)$$

где s_i – доля i -й товарной группы в совокупном экспорте (классификация HS-2, 97 групп), n – число товарных групп. Значение индекса изменяется от $1/n$ (равномерное распределение, максимальная диверсификация) до 1 (полная концентрация на одном товаре). Для устранения зависимости индекса от числа групп рассчитывается нормированный показатель:

$$HHI^* = \frac{\left(HHI - \frac{1}{n}\right)}{\left(1 - \frac{1}{n}\right)} \quad (2)$$

В соответствии с принятой в литературе классификацией значения ниже 0,15 интерпретируются как низкая концентрация, диапазон 0,15–0,25 – как умеренная, а свыше 0,25 – как высокая концентрация экспорта.

Индекс экономической сложности (ЕСИ) рассчитывается методом отраженных мер (method of reflections) на основе бинарной матрицы «страна – товар», построенной с учетом выявленных сравнительных преимуществ. В отличие от ННИ, отражающего степень концентрации корзины, ЕСИ характеризует ее качественное, технологическое содержание, что делает оба показателя взаимодополняющими.

Для межстранового сопоставления отобраны три референтные экономики, представляющие различные траектории управления ресурсной рентой: Норвегия (модель суверенного фонда и высокой институциональной зрелости), ОАЭ (модель форсированной отраслевой диверсификации) и Азербайджан (профиль зависимости от углеводородов, близкий к казахстанскому). При интерпретации стоимостных долей учитывается ценовой эффект: в годы высоких цен на нефть стоимостная доля добывающего сектора завышается, а в годы низких – занижается, поэтому стоимостные индикаторы дополняются анализом физических объемов добычи и темпов роста секторов.

Результаты и обсуждение

Необходимость ухода от сырьевой модели и диверсификации экономики Казахстана была впервые обозначена в конце 1990-х годов в Стратегии «Казахстан–2030» [20] и впоследствии закреплена в Стратегии «Казахстан-2050», где диверсификация прямо отнесена к приоритетным общенациональным задачам, а снижение зависимости экономики от колебаний мировых цен на сырье заявлено как одна из ключевых целей [21].

Активное внедрение этого курса началось с 2010 г. с запуском первой Государственной программы по форсированному индустриально-инновационному развитию (ГПФИИР) на 2010–2014 гг. [22]. Программа столкнулась с рассеянием усилий из-за использования многочисленных инструментов и организаций, что усложнило координацию. Эти проблемы были учтены в следующей Государственной программе индустриально-инновационного развития (ГПИИР) на 2015–2019 гг. [23], в рамках которой государственная поддержка была сконцентрирована на 14 приоритетных секторах в составе шести отраслей обрабатывающей промышленности – металлургии, химии, нефтехимии, машиностроения, производства строительных материалов и пищевой промышленности. Такая концентрация отражала попытку оптимизировать и сфокусировать поддержку, вовлекая частный сектор и региональные структуры в процесс принятия

решений, однако ставила вопросы о гибкости и прозрачности отбора секторов и об адаптации к меняющимся экономическим условиям.

Преимственность индустриальной политики обеспечивалась третьей программой, Государственной программой индустриально-инновационного развития на 2020–2025 гг., нацеленной на углубление индустриализации, расширение номенклатуры обработанных товаров, технологическое развитие и цифровизацию обрабатывающей промышленности. Однако в 2022 г. эта программа утратила силу в связи с реформой системы государственного планирования: профильные отраслевые госпрограммы были заменены национальными проектами. Среднесрочные ориентиры экономической политики закреплены в Национальном плане развития Республики Казахстан до 2029 г. [24].

Ключевым инструментом мониторинга на всех этапах остается Единая карта индустриализации, представляющая собой совокупность промышленно-инновационных проектов республиканского уровня, через которую координируется государственная поддержка [27]. Вместе с тем промышленная политика во многом по-прежнему опирается на прямую финансовую поддержку и отбор приоритетных отраслей исполнительными органами, а вопросы прозрачности отбора проектов и координации между участниками сохраняют актуальность. Хронология ключевых программных документов в сфере диверсификации показана на рисунке 1.

1997 «Казахстан-2030»

- долгосрочное целеполагание, уход от сырьевой модели

2012 – «Казахстан-2050»

- диверсификация как приоритетная национальная задача

2010–2014 – ГПФИИР

- первая программа форсированной индустриализации

2015–2019 – ГПИИР

- 14 секторов в 6 отраслях обрабатывающей промышленности

2020–2025 – ГПИИР (отменена в 2022)

- цифровизация и технологическое развитие

2021–2025 – Нацпроект по развитию предпринимательства

- смена формата: от госпрограмм к нацпроектам

2024 – Национальный план развития до 2029

- среднесрочная рамка экономической политики

Рисунок 1 – Эволюция государственной политики диверсификации экономики Казахстана (1997–2024 гг.)

Примечание: Составлено авторами на основе источников [20–25].

Таким образом, за 2000–2024 гг. структура промышленного производства Казахстана претерпела значимые изменения под влиянием государственной политики диверсификации, однако, согласно данным БНС РК, ее результативность остается ограниченной. Как следует из таблицы 1, в 2010 г. горнодобывающая промышленность формировала 61,3% общего объема промышленного производства, а нефте- и газодобыча – 51,2%. Под влиянием двух государственных программ – ГПФИИР (2010–2014) и ГПИИР (2015–2019) – доля горнодобывающей промышленности начала снижаться, достигнув 44,5% в 2024 г.

Обрабатывающая промышленность демонстрирует устойчивый рост: ее доля увеличилась с 31,8% в 2010 г. до 48,7% в 2024 г. (таблица 1). Абсолютный объем ее выпуска вырос с 3,8 до 25,1 трлн тг, тогда как горнодобывающая промышленность за тот же период выросла лишь в 3,1 раза.

Таблица 1 – Структура промышленного производства Казахстана, % (2010–2024 гг.)

Показатель	2010	2015	2017	2019	2021	2022	2023	2024
Горнодобывающая промышленность, %	61,3	50,4	50,8	54,4	47,8	51,1	46,7	44,5
в т.ч. нефть и газ, %	51,2	39,4	40,4	43,1	35,1	39,7	34,2	31,8
Обрабатывающая промышленность, %	31,8	40,0	41,2	39,4	45,5	43,4	46,9	48,7
Прочие отрасли (электро-, водоснабжение и др.), %	6,9	9,6	8,0	6,2	6,7	5,5	6,4	6,8
Объем горнодоб. пром-ти, трлн тенге	7,4	7,5	11,6	16,0	18,0	24,9	21,9	22,9
Объем обраб. пром-ти, трлн тг	3,8	6,0	9,4	11,6	17,1	21,2	22,0	25,1
Добыча нефти и газоконденсата, млн т	79,7	79,5	86,2	90,6	85,9	84,2	90,0	87,7
Примечание: Составлено авторами на базе источника [16].								

Количественная оценка подтверждает наличие структурного сдвига. За 2010–2024 гг. доля горнодобывающей промышленности сократилась на 16,8 процентного пункта, доля нефте- и газодобычи – на 19,4 пункта, а доля обрабатывающей промышленности выросла на 16,9 пункта. В стоимостном выражении обрабатывающая промышленность росла в среднем на 14,4% в год, опережая горнодобывающую (8,4% в год); соотношение объемов обрабатывающего и добывающего секторов увеличилось с 0,51 в 2010 г. до 1,10 в 2024 г. – обрабатывающая промышленность впервые превысила добывающую по стоимости выпуска (сводные производные показатели – в таблице 3).

Однако само по себе пересечение этой отметки не доказывает самостоятельного рывка обработки. Номинальный объем обрабатывающей промышленности рос практически тем же темпом, что и номинальный ВВП (14,4% против примерно 14,0% в год, рассчитано по таблицам 1 и 2): обработка увеличивалась вровень с экономикой в целом, а повышение ее доли внутри промышленности достигнуто во многом за счет отставания добывающего сектора, стоимостная доля которого дополнительно занижается в годы низких цен. В пользу реальной, а не только ценовой природы сдвига говорит динамика физических объемов: добыча нефти и газоконденсата за период выросла лишь примерно на 10%, тогда как стоимость продукции обработки увеличилась более чем в шесть раз. Таким образом, наблюдаемый сдвиг носит смешанный характер – он частично реален, но частично относителен и обусловлен ценовой переоценкой добывающего сектора.

Ценовой фактор искажает структурные доли: в годы низких цен стоимостная доля горнодобывающей промышленности занижается, в годы высоких – завышается. Наглядный пример – 2017–2019 гг., когда доля добывающего сектора вновь возросла (с 50,8% до 54,4%): этот эпизод совпал с восстановлением мировых цен на углеводороды, что механически повысило стоимостную долю добычи независимо от физических объемов [26].

Структурный сдвиг при этом остается неустойчивым. Среднее значение доли горнодобывающей промышленности за 2010–2024 гг. составило около 50,9% при стандартном отклонении порядка 4,9 пункта, то есть краткосрочная волатильность достигает почти трети всего накопленного за период сдвига (16,8 пункта). Колебания, вызванные ценовой конъюнктурой, сопоставимы по масштабу с долгосрочным трендом, а достигнутая диверсификация легко обратима. Это согласуется с гипотезой об асимметричном воздействии ценовых шоков, при котором периоды высоких цен тормозят диверсификацию сильнее, чем периоды низких цен ее ускоряют [15].

Одним из наиболее тревожных структурных сигналов является крайне низкий уровень R&D-интенсивности казахстанской экономики. По данным БНС РК, внутренние затраты на НИОКР в 2024 г. составили 219,7 млрд тг – 0,161% ВВП; начиная с 2010 г. этот показатель не превышал 0,18% ВВП (таблица 2).

Таблица 2 – Инновационная активность экономики Казахстана (2010–2024 гг.)

Индикатор	2010	2015	2017	2019	2021	2022	2023	2024
ВВП (ВРП), млрд тг	21 816	40 884	54 379	69 533	83 952	103 766	119 442	136 693
Затраты на НИОКР, млн тг	33 467	69 303	68 884	82 333	109 333	121 560	172 586	219 670
НИОКР к ВВП, %	0,153	0,170	0,127	0,118	0,130	0,117	0,144	0,161
Инновационные продукты, млрд тг	142,2	377,2	844,7	1 113,6	1 438,7	1 879,1	2 399,8	1 839,0
Инновац. продукты к ВВП, %	0,65	0,92	1,55	1,60	1,71	1,81	2,01	1,35
Число предприятий НИОКР, ед.	424	390	386	386	438	414	425	423
Примечание: Составлено авторами на базе источника [16].								

Сопоставление с международными ориентирами обостряет картину. Среднее значение наукоемкости за 2010–2024 гг. составило около 0,14% ВВП и ни в один год не превысило 0,17%, тогда как средний показатель по странам ОЭСР близок к 2,5%. Фактический разрыв с уровнем ОЭСР достигает примерно 18 раз, а с национальным целевым ориентиром в 1% ВВП к 2030 г. – 6–7 раз. Номинальный рост затрат на НИОКР (около 14,4% в год) лишь воспроизводил расширение ВВП и не привел к качественному повышению наукоемкости.

Объем инновационной продукции рос в номинальном выражении: с 142,2 млрд тенге в 2010 г. до 2 399,8 млрд в 2023 г., а его доля в ВВП – с 0,65% до 2,01%. Вместе с тем следует учитывать, что «инновационные продукты» по казахстанской методологии включают широкую категорию изделий, новых для предприятия, но не обязательно новых для рынка или мира.

Примечательно, что число предприятий, осуществляющих НИОКР, практически не изменилось (424 в 2010 г. против 423 в 2024 г.): рост инновационной активности в номинальном выражении не сопровождается расширением круга ее участников.

Более того, показатель инновационной продукции демонстрирует тревожную динамику: после устойчивого роста в 2010–2023 гг. в 2024 г. ее объем сократился почти на четверть – с 2399,8 до 1839,0 млрд тг, а доля в ВВП снизилась с 2,01% до 1,35%. Сочетание стабильного числа исполнителей НИОКР с резкими колебаниями объема указывает на узость и хрупкость инновационной базы: рост обеспечивается концентрацией исследований в крупных государственных и квазигосударственных структурах, а не их распространением на широкий слой частных инновационных компаний.

Таблица 3 – Производные индикаторы структурных сдвигов и темпов роста (2010–2024 гг.)

Индикатор	Значение
Изменение доли горнодобывающей промышленности, п.п.	–16,8
Изменение доли нефте- и газодобычи, п.п.	–19,4
Изменение доли обрабатывающей промышленности, п.п.	+16,9
Среднегодовой темп роста обрабатывающей промышленности (номинальный), %	14,4
Среднегодовой темп роста горнодобывающей промышленности (номинальный), %	8,4
Соотношение объемов обрабатывающей и горнодобывающей промышленности (2010–2024 гг.)	2010 г. - 0,51; 2024 г. - 1,10
Стандартное отклонение доли горнодобывающей промышленности, п.п.	4,9
Среднее значение затрат на НИОКР к ВВП (2010–2024), %	0,14
Среднегодовой темп роста инновационной продукции (2010–2023, номинальный), %	24,3
Изменение объема инновационной продукции (2023–2024 гг.), %	–23,4
Примечание: Рассчитано авторами по данным таблиц 1 и 2.	

По данным [18–21], значение ННІ экспортной концентрации Казахстана (по 97 товарным группам HS-2) в 2022 г. составило 0,44 – категория «высокая концентрация» (порог $>0,25$). Для сравнения: Норвегия – 0,19, ОАЭ – 0,20, Азербайджан – 0,51. Индекс экономической сложности Казахстана по итогам 2022 г. составил $-0,62$, что отражает преобладание относительно простых, ресурсоемких товаров в экспортной корзине.

Таблица 4 – Сравнительные показатели диверсификации нефтеэкспортирующих экономик (2022 г.)

Индикатор	Казахстан	Азербайджан	Норвегия	ОАЭ
ННІ экспортной концентрации	0,44	0,51	0,19	0,20
Индекс экономической сложности (ЕСІ)	$-0,62$	$-0,89$	0,88	0,51
Доля нефти и газа в пром. пр-ве, %	39,7	70	15	25
R&D к ВВП, %	0,12	0,17	2,22	1,30
Активы ФНБ к ВВП, %	35	80	290	80
Доля частного сектора в занятости, %	33	38	80	65
Примечание: Составлено авторами на базе источников [17–19, 26].				

Сравнительные данные таблицы 4 показывают, что Казахстан отделяет от Норвегии и ОАЭ прежде всего технологическое качество экспорта, а не степень концентрации: по индексу экономической сложности разрыв качественный ($-0,62$ против $+0,88$ и $+0,51$), тогда как по ННІ и доле частного сектора страна образует один кластер с Азербайджаном.

Нормирование индекса концентрации на число товарных групп не меняет картины: нормированный ННІ* для Казахстана составляет около 0,43 против 0,18 у Норвегии и 0,19 у ОАЭ. Сочетание высокой концентрации (ННІ = 0,44) с отрицательным ЕСІ ($-0,62$) означает, что экспортная корзина одновременно узкая и технологически простая; поэтому простое снижение ННІ за счет расширения номенклатуры не приблизит страну к диверсифицированным экономикам, если новые позиции остаются технологически простыми [10].

Полученные данные подтверждают и структурную слабость частного сектора как агента диверсификации: по состоянию на 2024 г. численность занятых в МСБ составляет около трети рабочей силы – устойчиво воспроизводимая на протяжении 2010-х пропорция, что согласуется с выводами Всемирного банка о доминировании квазигосударственного сектора.

По совокупности индикаторов – концентрации экспорта, экономической сложности, наукоемкости и доли частного сектора в занятости – Казахстан образует кластер с Азербайджаном и кратно уступает Норвегии и ОАЭ; при этом положительная динамика доли обрабатывающей промышленности указывает на потенциал постепенного сближения с группой более диверсифицированных экономик при условии последовательной структурной политики.

Заключение

На основании данного исследования можно сделать вывод, что экономика, зависящая от аномально высоких доходов от экспорта минеральных ресурсов, подвержена деформациям в любых политических и экономических условиях. В Казахстане наблюдается высокая корреляция между темпами роста ВВП и мировыми ценами на нефть. Эта зависимость также отражается на национальной валюте – тенге, которая в течение последних 18 лет показывает прямую связь с ценами на нефть. Изменения в стоимости нефти оказывают значительное воздействие на экономику: при росте цен тенге искусственно переоценивается, что сказывается на внутренних инвестициях и способности страны производить экспортно ориентированную продукцию.

Главная проблема экономики Казахстана заключается в ее недостаточной диверсификации. Предпринимаемые государством меры для улучшения диверсификации не приносят ожидаемого результата. Стратегии, направленные на снижение зависимости от нефти, пока не демонстрируют успеха, в то время как нефтяная отрасль продолжает поддерживать экономику даже в условиях колебаний цен на сырье. Попытки улучшения конкурентоспособности и привлечения

экономических агентов в различные секторы экономики осложняются защитнической политикой и концентрацией капитала в руках государства, что подрывает конкурентоспособность и инновационную активность.

Преодоление сырьевой зависимости возможно только через коренные изменения в экономической политике. Эффективная реформа требует квалифицированного управления и снижения коррупции. Включение иностранных управленцев на конкурсной основе может оказать положительное воздействие на эффективность проводимых изменений.

Проведенный количественный анализ показывает, что структурная зависимость экономики Казахстана от сырьевого сектора сохраняется, а достигнутая диверсификация носит ограниченный и обратимый характер. Стоимостная доля добывающего сектора снизилась за 2010–2024 гг. на 16,8 процентного пункта, однако ее стандартное отклонение за тот же период (4,9 пункта) сопоставимо почти с третью всего накопленного сдвига, а в 2017–2019 гг. наблюдался выраженный возврат к сырьевой модели, совпавший с восстановлением мировых цен на нефть. Сопоставление стоимостной и физической динамики подтверждает смешанную природу сдвига: при росте стоимости продукции обрабатывающей промышленности более чем в шесть раз физический объем добычи нефти и газоконденсата увеличился лишь примерно на 10%. Таким образом, наблюдаемое улучшение структурных пропорций лишь отчасти отражает реальную трансформацию и в значительной мере обусловлено ценовой переоценкой долей.

Глубина диверсификации при этом остается недостаточной. Несмотря на рост доли обрабатывающей промышленности с 31,8% до 48,7%, экспортная корзина страны одновременно узкая и технологически простая: индекс концентрации ННІ составляет 0,44 (нормированный ННІ* – 0,43), а индекс экономической сложности – –0,62. По этим показателям Казахстан образует кластер с Азербайджаном и кратно уступает Норвегии и ОАЭ, что указывает на качественный, а не только количественный характер отставания. Научоемкость экономики критически низка (в среднем 0,14% ВВП, разрыв с уровнем ОЭСР – примерно восемнадцатикратный), а сокращение объема инновационной продукции в 2024 г. почти на четверть при практически неизменном числе исполнителей НИОКР свидетельствует об узости и хрупкости инновационной базы.

Совокупность этих результатов показывает, что достигнутый прогресс носит преимущественно количественный и неустойчивый характер: государственные программы индустриализации обеспечили расширение объемов обработки, но не качественное усложнение экономики и не вовлечение в инновационную деятельность широкого круга частных агентов. Преодоление сырьевой зависимости требует смещения экономической политики от прямой отраслевой поддержки к укреплению конкурентной среды, развитию частного сектора и кратному наращиванию науоемкости.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

- ♦ Структура промышленного производства Казахстана постепенно диверсифицируется: доля обрабатывающей промышленности выросла с 31,8% (2010) до 48,7% (2024). Однако процесс нелинеен и уязвим к ценовым шокам: доля горнодобывающей промышленности (44,5% в 2024 г.) колеблется со стандартным отклонением 4,9 п.п., а в 2017–2019 гг. наблюдался возврат к сырьевой модели. По индексам концентрации (ННІ = 0,44) и сложности экспорта (ЕСІ = –0,62) Казахстан сопоставим с Азербайджаном и кратно уступает Норвегии и ОАЭ.

- ♦ R&D-интенсивность экономики остается критически низкой (0,12–0,17% ВВП на протяжении 2010–2024 гг.). Разрыв с национальным целевым ориентиром (1% к 2030 г.) составляет 6–7 раз, с уровнем ОЭСР – около 18 раз. Без перелома в R&D-финансировании структурная трансформация промышленности не сможет перейти от количественного к качественному измерению.

- ♦ Структурными ограничениями диверсификации выступают узкая база организаций, выполняющих НИОКР (их число практически не изменилось с 2010 г.), низкая доля МСБ в занятости (около трети рабочей силы) и доминирование квазигосударственного сектора. Это согласуется с выводами литературы о ведущей роли институциональной среды в преодолении ресурсной зависимости [9].

На основании сравнительного анализа предлагается система мер:

Создание суверенного инновационного субфонда для долгосрочного финансирования НИОКР по образцу норвежской модели управления ресурсными доходами.

Последовательное сокращение присутствия государственных и квазигосударственных предприятий в экономике при одновременном обеспечении конкурентной среды для частного сектора.

Стимулирование развития несырьевых секторов с более высокой технологической сложностью (в том числе в агропереработке, химической промышленности и цифровых услугах) для повышения индекса экономической сложности.

Поэтапное наращивание государственного финансирования НИОКР – до 0,5% ВВП к 2027 г. и до 1,0% ВВП к 2030 г. – с введением налоговых стимулов для частных исследований и разработок.

Разработка программ диверсификации для наиболее нефtezависимых регионов (Атырауская, Мангистауская области); детальная региональная привязка требует отдельного анализа на дезагрегированных данных и относится к направлениям дальнейшей работы.

Ограничения исследования связаны с использованием стоимостных показателей, подверженных влиянию ценовой конъюнктуры, и с особенностями национальной методологии учета инновационной продукции, которая включает изделия, новые для предприятия, но не обязательно для рынка. Перспективным направлением дальнейшей работы является формальная эконометрическая оценка связи между мировыми ценами на нефть, обменным курсом и структурными долями промышленного производства, а также построение региональных моделей диверсификации на основе дезагрегированной статистики по 20 регионам страны.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Azretbergenova G., Syzdykova A. The dependence of the Kazakhstan economy on the oil sector and the importance of export diversification // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2020. Vol. 10. No. 6. P. 157–163.
- 2 Аубакирова Г.М., Жупарова А.С., Кожамметова А.К. Диверсификация экономики Казахстана через глобальные цепочки добавленной стоимости: количественная оценка // *Economy: Strategy and Practice*. – 2025. – Т. 20. – № 1. – С. 103–119. DOI: 10.51176/1997-9967-2025-1-103-119
- 3 Yeo H., Mah J.S. Industrial policy and diversification in the economic development of Kazakhstan // *Asian Journal of Social Sciences and Management Studies*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 32–40. DOI: 10.20448/ajssms.v11i2.5704
- 4 Бекун Ф.В., Фьюми М.Р., Онве Д.Ч., Хабиб М.Д., Сакитей Г.М. Укрепление устойчивости через экономическое разнообразие: анализ влияния диверсификации торговли, экономически активного населения и прямых иностранных инвестиций на развитие отдельных стран Азии // *Стратегические решения и риск-менеджмент*. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 212–227.
- 5 Corden W.M., Neary J.P. Booming sector and de-industrialisation in a small open economy // *The Economic Journal*. 1982. Vol. 92. No. 368. P. 825–848. DOI: 10.2307/2232670
- 6 Sachs J., Warner A. The curse of natural resources // *European Economic Review*. 2001. Vol. 45. No. 4–6. P. 827–838. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00125-8
- 7 Alsagr N., Ozturk I. Natural resources rent and green investment: does institutional quality matter? // *Resources Policy*. 2024. Vol. 90. Art. 104709. DOI: 10.1016/j.resourpol.2024.104709
- 8 Ross M.L. What do we know about export diversification in oil-producing countries? // *The Extractive Industries and Society*. 2019. Vol. 6. No. 3. P. 792–806. DOI: 10.1016/j.exis.2019.06.004
- 9 Matallah S. Economic diversification in MENA oil exporters: understanding the role of governance // *Resources Policy*. 2020. Vol. 66. Art. 101602. DOI: 10.1016/j.resourpol.2020.101602
- 10 Hidalgo C.A., Hausmann R. The building blocks of economic complexity. Cambridge: Center for International Development at Harvard University, 2009. 24 p. (CID Working Paper; No. 186)
- 11 Shehabi M. Diversification effects of energy subsidy reform in oil exporters: illustrations from Kuwait // *Energy Policy*. 2020. Vol. 138. Art. 110966. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.110966
- 12 Alsharif N., Bhattacharyya S., Intartaglia M. Economic diversification in resource rich countries: history, state of knowledge and research agenda // *Resources Policy*. 2017. Vol. 52. P. 154–164. DOI: 10.1016/j.resourpol.2017.02.007
- 13 Omgba L.D. Institutional foundations of export diversification patterns in oil-producing countries // *Journal of Comparative Economics*. 2014. Vol. 42. No. 4. P. 1052–1064. DOI: 10.1016/j.jce.2014.02.001
- 14 Dharfizi A.D.H., Ghani A.B.A., Islam R. Evaluating Malaysia's fuel diversification strategies 1981–2016 // *Energy Policy*. 2020. Vol. 137. Art. 111083. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.111083

15 Charfeddine L., Barkat K. Short- and long-run asymmetric effect of oil prices and oil and gas revenues on the real GDP and economic diversification in oil-dependent economy // *Energy Economics*. 2020. Vol. 86. Art. 104680. DOI: 10.1016/j.eneco.2020.104680

16 Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. База данных статистических показателей. URL: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 29.03.2026)

17 World Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 29.03.2026)

18 International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO> (accessed: 29.03.2026)

19 United Nations. UN Comtrade Database. URL: <https://comtradeplus.un.org> (accessed: 29.03.2026)

20 Стратегия «Казахстан–2030»: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. – Алматы, 1997. URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 29.03.2026)

21 Стратегия «Казахстан–2050»: новый политический курс состоявшегося государства: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 14 декабря 2012 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 29.03.2026)

22 Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010–2014 годы: утв. Указом Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 958. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000958_ (дата обращения: 29.03.2026)

23 Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 годы: утв. Указом Президента Республики Казахстан от 1 августа 2014 года № 874. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000874> (дата обращения: 29.03.2026)

24 Об утверждении Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020–2025 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1050. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001050> (дата обращения: 29.03.2026)

25 Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года: Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года № 611. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611> (дата обращения: 29.03.2026)

26 Statistical Review of World Energy 2023. London: Energy Institute, 2023. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 29.03.2026)

27 Об утверждении Правил включения промышленно-инновационных проектов в единую карту индустриализации: приказ и.о. Министра индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан от 22 августа 2023 года № 592. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033321> (дата обращения: 29.03.2026)

REFERENCES

1 Azretbergenova G., Syzdykova A. (2020) The dependence of the Kazakhstan economy on the oil sector and the importance of export diversification // *International Journal of Energy Economics and Policy*. Vol. 10. No. 6. P. 157–163. (In English)

2 Aubakirova G.M., Zhuparova A.S., Kozhahmetova A.K. (2025) Diversifikacija jekonomiki Kazahstana cherez global'nye epochki dobavlennoj stoimosti: kolichestvennaja ocenka // *Economy: Strategy and Practice*. Vol. 20. No. 1. P. 103–119. DOI: 10.51176/1997-9967-2025-1-103-119 (In Russian)

3 Yeo H., Mah J.S. (2024) Industrial policy and diversification in the economic development of Kazakhstan // *Asian Journal of Social Sciences and Management Studies*. Vol. 11. No. 2. P. 32–40. DOI: 10.20448/ajssms.v11i2.5704 (In English)

4 Bekun F.V., F'jumi M.R., Onve D.Ch., Habib M.D., Sakitej G.M. (2025) Ukreplenie ustojchivosti cherez jekonomicheskoe raznoobrazie: analiz vlijaniya diversifikacii trgovli, jekonomicheski aktivnogo naselenija i prjamyh inostrannyh investicij na razvitie otдел'nyh stran Azii // *Strategicheskie reshenija i risk-menedzhment*. Vol. 16. No. 3. P. 212–227. (In Russian)

5 Corden W.M., Neary J.P. (1982) Booming sector and de-industrialisation in a small open economy // *The Economic Journal*. Vol. 92. No. 368. P. 825–848. DOI: 10.2307/2232670 (In English)

6 Sachs J., Warner A. (2001) The curse of natural resources // *European Economic Review*. Vol. 45. No. 4–6. P. 827–838. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00125-8 (In English)

7 Alsagr N., Ozturk I. (2024) Natural resources rent and green investment: does institutional quality matter? // *Resources Policy*. Vol. 90. Art. 104709. DOI: 10.1016/j.resourpol.2024.104709 (In English)

8 Ross M.L. (2019) What do we know about export diversification in oil-producing countries? // *The Extractive Industries and Society*. Vol. 6. No. 3. P. 792–806. DOI: 10.1016/j.exis.2019.06.004 (In English)

- 9 Matallah S. (2020) Economic diversification in MENA oil exporters: understanding the role of governance // *Resources Policy*. Vol. 66. Art. 101602. DOI: 10.1016/j.resourpol.2020.101602 (In English)
- 10 Hidalgo C.A., Hausmann R. (2009) The building blocks of economic complexity. Cambridge: Center for International Development at Harvard University. 24 p. (CID Working Paper; No. 186) (In English)
- 11 Shehabi M. (2020) Diversification effects of energy subsidy reform in oil exporters: illustrations from Kuwait // *Energy Policy*. Vol. 138. Art. 110966. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.110966 (In English)
- 12 Alsharif N., Bhattacharyya S., Intartaglia M. (2017) Economic diversification in resource rich countries: history, state of knowledge and research agenda // *Resources Policy*. Vol. 52. P. 154–164. DOI: 10.1016/j.resourpol.2017.02.007 (In English)
- 13 Omgba L.D. (2014) Institutional foundations of export diversification patterns in oil-producing countries // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 42. No. 4. P. 1052–1064. DOI: 10.1016/j.jce.2014.02.001 (In English)
- 14 Dharfizi A.D.H., Ghani A.B.A., Islam R. (2020) Evaluating Malaysia's fuel diversification strategies 1981–2016 // *Energy Policy*. Vol. 137. Art. 111083. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.111083 (In English)
- 15 Charfeddine L., Barkat K. (2020) Short- and long-run asymmetric effect of oil prices and oil and gas revenues on the real GDP and economic diversification in oil-dependent economy // *Energy Economics*. Vol. 86. Art. 104680. DOI: 10.1016/j.eneco.2020.104680 (In English)
- 16 Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniju i reformam Respubliki Kazakhstan. Baza dannyh statisticheskikh pokazatelej. URL: <https://stat.gov.kz> (data obrashhenija: 29.03.2026) (In Russian)
- 17 World Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 29.03.2026) (In English)
- 18 International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO> (accessed: 29.03.2026) (In English)
- 19 United Nations. UN Comtrade Database. URL: <https://comtradeplus.un.org> (accessed: 29.03.2026) (In English)
- 20 Strategija «Kazakhstan–2030»: Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan narodu Kazahstana. Almaty, 1997. URL: <https://adilet.zan.kz> (data obrashhenija: 29.03.2026) (In Russian)
- 21 Strategija «Kazakhstan–2050»: novyj politicheskij kurs sostojavshegosja gosudarstva: Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan narodu Kazahstana ot 14 dekabrya 2012 goda. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (data obrashhenija: 29.03.2026) (In Russian)
- 22 Gosudarstvennaja programma po forsirovannomu industrial'no-innovacionnomu razvitiju Respubliki Kazakhstan na 2010–2014 gody: utv. Ukazom Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 19 marta 2010 goda № 958. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000958> (data obrashhenija: 29.03.2026) (In Russian)
- 23 Gosudarstvennaja programma industrial'no-innovacionnogo razvitija Respubliki Kazakhstan na 2015–2019 gody: utv. Ukazom Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 1 avgusta 2014 goda № 874. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000874> (data obrashhenija: 29.03.2026) (In Russian)
- 24 Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy industrial'no-innovacionnogo razvitija Respubliki Kazakhstan na 2020–2025 gody: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 31 dekabrya 2019 goda № 1050. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001050> (data obrashhenija: 29.03.2026) (In Russian)
- 25 Ob utverzhdenii Nacional'nogo plana razvitija Respubliki Kazakhstan do 2029 goda: Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 30 ijulja 2024 goda № 611. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611> (data obrashhenija: 29.03.2026) (In Russian)
- 26 Statistical Review of World Energy 2023. London: Energy Institute, 2023. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (data obrashhenija: 29.03.2026) (In English)
- 27 Ob utverzhdenii Pravil vkljucheniya promyshlennno-innovacionnyh proektov v edinuju kartu industrializacii: prikaz i.o. Ministra industrii i infrastruktornogo razvitija Respubliki Kazakhstan ot 22 avgusta 2023 goda № 592. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033321> (data obrashhenija: 29.03.2026) (In Russian)

СЕЙТОВА В.Н.,*¹

PhD, қауымдастырылған профессор.

ORCID ID: 0000-0002-4404-4916

*e-mail: vilena@rambler.ru

АСКАРОВА Э.Т.,¹

Э.Ғ.М., аға оқытушы.

e-mail: amina.elmira@mail.ru

ORCID ID: 0009-0002-3935-5848

ЖОШЫБАЕВА Д.А.,¹

Э.Ғ.М., аға оқытушы.

e-mail: dariga.zhoshybaeva72@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2559-2722

НУРТАЕВА Д.К.,²

М.Ғ.М., сениор-лектор.

e-mail: d.nurtayeva@turanaedu.kz

ORCID ID: 0000-0002-0187-9550

¹М. Әуезов ат. Оңтүстік Қазақстан университеті,

Шымкент қ., Қазақстан

²«Тұран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН ЭКОНОМИКАСЫНЫҢ ДИВЕРСИФИКАЦИЯСЫ: МӘСЕЛЕЛЕР, МҮМКІНДІКТЕР ЖӘНЕ БОЛАШАҚ

Аңдатпа

Зерттеу Қазақстанның мұнай кірістеріне тәуелділігін азайту мақсатында экономиканы әртараптандырудың проблемалары мен мүмкіндіктерін талдауға арналған. Жаһандық экономикалық өзгерістер мен көмірсутегі бағасының ауытқуы жағдайында стратегиялық әртараптандыру елдің тұрақты дамуын қамтамасыз етудің негізгі аспектісі болып табылады. Зерттеу әдістемесі экономиканың ағымдағы жағдайының сандық және сапалық талдауын қамтиды, сондай-ақ әлемдік экономика мен мұнай нарығындағы ықтимал өзгерістерге негізделген әртүрлі даму сценарийлерін модельдеуді қамтиды. Талдау көрсеткендей, әртараптандыру мұнайдың әлемдік бағасының ауытқуымен байланысты тәуекелдерді азайта отырып, Қазақстанның экономикалық тұрақтылығын айтарлықтай арттыра алады. Әртараптандыру үдерісінде институционалдық ортаны нығайту және инновацияларды енгізуге және экономиканың бәсекеге қабілеттілігін арттыруға қабілетті жеке секторды дамыту маңызды рөл атқарады. Зерттеу нәтижелері инновациялық даму және экспорттық қызмет процестеріне экономиканың әртүрлі секторларын көбірек қосуға ықпал ететін саясатты қалыптастыру бойынша нақты ұсыныстарды ұсынады, бұл өз кезегінде мұнай кірістеріне тәуелділікті азайтады және ұзақ мерзімді перспективаға ықпал етеді. мерзімді экономикалық өсу.

Тірек сөздер: экономиканы әртараптандыру, мұнайға тәуелділік, тұрақты даму, инновациялық даму, құрылымдық трансформация, экспорт концентрациясы, өңдеуші өнеркәсіп, өңірлік экономика.

SEITOVA V.N.,¹

PhD, associate professor.

*e-mail: vilena@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-4404-4916

ASKAROVA E.T.,¹

m.e.s., senior lecturer.

e-mail: amina.elmira@mail.ru

ORCID ID: 0009-0002-3935-5848

ZHOSHYBAYEVA D.A.,¹

m.e.s., senior lecturer.

e-mail: dariga.zhoshybaeva72@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2559-2722

NURTAYEVA D.K.,²

m.m.s., senior lecturer.

e-mail: d.nurtayeva@turana-edu.kz

ORCID ID: 0000-0002-0187-9550

¹South Kazakhstan University

named after M. Auezov,

Shymkent, Kazakhstan

²Turan University,

Almaty, Kazakhstan

DIVERSIFICATION OF THE ECONOMY OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS, OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Abstract

The study is devoted to the analysis of problems and opportunities for diversifying the economy of Kazakhstan, with the aim of reducing its dependence on oil revenues. In the context of global economic changes and fluctuations in hydrocarbon prices, strategic diversification is a key aspect to ensure the sustainable development of the country. The research methodology covers quantitative and qualitative analysis of the current state of the economy, and also includes modeling of various development scenarios based on potential changes in the global economy and the oil market. The analysis shows that diversification can significantly increase the economic stability of Kazakhstan, reducing the risks associated with fluctuations in world oil prices. An important role in the diversification process is played by strengthening the institutional environment and developing a private sector capable of introducing innovations and improving the competitiveness of the economy. The results of the study offer concrete recommendations for the formation of policies that could promote greater inclusion of various sectors of the economy in the processes of innovative development and export activities, which, in turn, will reduce dependence on oil revenues and contribute to long-term economic growth.

Keywords: economic diversification, oil dependency, sustainable development, innovative development, structural transformation, export concentration, manufacturing industry, regional economy.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.04.2026